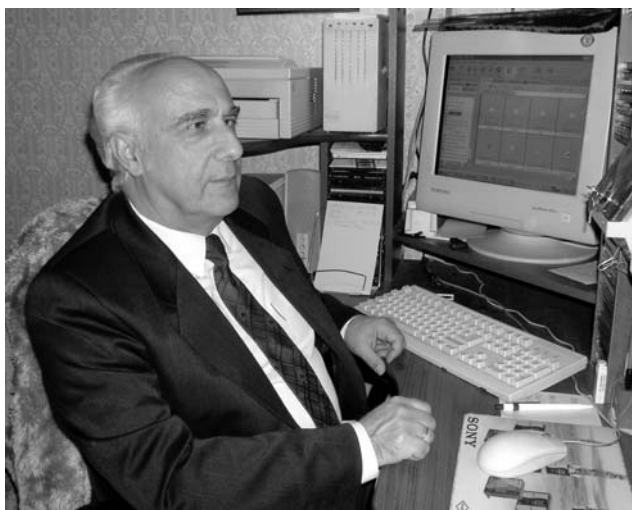

МОЯ СУДЬБА – ПРОФЕССИЯ БИБЛИОТЕКАРЬ

Э.Р. СУКИАСЯН,
Российская государственная библиотека

Как я стал библиотекарем

Трудно ответить на этот часто задаваемый мне вопрос. Приходится рассказывать о первых полутора десятках лет своей жизни. Я ведь не стал — я становился. Но к 15 годам, как мне кажется, уже вошел в профессиональное сообщество — участвовал в различных совещаниях и конференциях, получал дома по подписке «Библиотекарь» и «Советскую библиографию» (больше никаких библиотечных журналов в те годы еще было), старался читать всю вновь выходящую литературу. Как воспринимали школьника директора, заведующие, рядовые сотрудники в библиотеках Тбилиси? Не знаю, наверное, считали «своим человеком».

У меня был разработан алгоритм, и он никогда не давал сбой: придя впервые в библиотеку, я сразу видел, чем здесь можно заняться. Перекладывал, например, с полки на стол журналы, раскладывал их по номерам и годам, потом переходил к следующей полке. Или раскладывал и подшивал газеты. Конечно, за мной следили. Приходила заведующая и спрашивала меня по-грузински: «Саидана хар, бавшво?» («Откуда ты взялся, ребенок?»).

А я отвечал: «Намдвилад, каргия?» («Правда, красиво?»). Вот и всё. Во всех библиотеках я сразу видел, чем здесь можно заняться. Можете проверить: этот способ годится везде и всегда. При одном условии: надо работать так, чтобы никто ничего не успевал сказать...

Придется рассказать о том, как библиотека вошла в мою жизнь. Родился я в 1937 году, 22 июня. В тот самый день, когда мне исполнилось четыре года, началась Великая Отечественная война. Это утро и всё, что было позже, я помню очень хорошо. Беззаботное детство внезапно кончилось, война пришла и в наш дом. Услышав о мобилизации, папа ушел в военкомат, не ожидая повестки. А днем пришел попрощаться, уже в форме. Теперь с интересом читались не только сказки, но и газета «Заря Востока». А любимой книгой стал огромный «Атлас командира РККА», который раскладывался на полу.

Чтению и счёту меня научили задолго до школы. Можно сказать, что мы со старшей (на семь лет) сестрой получили блестящее домашнее образование. Родители происходили из семей ремесленников. Наша мама окончила в Тбилиси классическую гимназию, знала древние языки, историю, литературу и искусство. «Высшего образования» она не имела, но трудно было представить себе, какое гуманитарное образование могло быть более фундаментальным. Отец прожил удивительную жизнь. В 23 года, к моменту установления советской власти в Грузии, он был высококвалифицированным портным, но не умел читать и писать, однако хорошо общался с людьми на многих языках кавказских народов. В последние годы закончил рабфак, а затем всю жизнь учился, овладевая теми знаниями, которые требовала от него работа. Затем получил последовательно три инженерных «красных» диплома (специальности: сигнализация,

централизация и блокировка на железнодорожном транспорте; радиотехника; энергетика). Папа был, как говорится, инженером от бога. Черчение, физика, химия стали моими любимыми предметами, а «опыты» и конструирование — основными занятиями: дом был наполнен приборами, проводами и инструментами, пробирками и колбами. Мы с сестрой прочитывали школьные учебники в августе и больше к ним не дотрагивались: готовясь к урокам, соревновались в поисках «дополнительной литературы», которая притаскивалась из десятка библиотек не только домой, но и в школу. Любовь к географии и грузинскому языку во многом была predetermined личностью учителя. Впрочем, никакой ограниченностью (гуманитарной или естественной, например) мои интересы не отличались никогда: до сих пор с удовольствием читаю всё и обо всём.

В школьные годы меня научили выступать перед аудиторией «без бумажки»: в кружках приходилось делать доклады, для которых сам выбирал интересные темы. Понятно, что история географической карты или история спички, жизнь Т.А. Эдисона или Р. Амундсена могли заинтересовать многих. Но как рассказать занимательно о Н.Н. Зинине, А.М. Бутлерове? Приходилось соображать, готовить демонстрации. Доклад об А.П. Бородине с товарищем подготовили вдвоем: я говорил о химике, он — о композиторе (с музыкальным сопровождением). Жизнь была интересной потому, что мы её сами такой делали. Скажу, например, что в Географическом обществе мне посчастливилось слушать рассказ папанинцев о путешествии на льдине, видеть многих известных путешественников. Школьников туда никто не приглашал, работала «разведка» — мы с товарищем узнавали обо всем сами, и нам всегда были рады.

Библиотека вошла в мою жизнь в декабре 1942 года, время было военное, а дома было не более двухсот томов, в основном — вузовские учебники по физике, химии, высшей математике, сопротивлению материалов, деталям машин и другим предметам. Книг для детей не было: сестра приносила их из библиотеки. В шкафу хранились некоторые книги, подаренные отцу, — их интересно было рассматривать («Гибель и спасение челюскинцев», «День мира», «История Гражданской войны»). Каждый год я обнаруживал в них много нового. Было десятка два брошюр. Несколько лет спустя я обнаружил среди них весьма любо-

пытную: «Как живет человек до своего рождения», показал сестре, она сказала, что «в своё время её уже проработала». Я тоже проработал — и освободил своих родителей от соответствующих вопросов. Понял навсегда: в книгах есть всё, надо только найти нужную. Забегая вперед, скажу: на дне книжного шкафа лежала еще одна книга, но я не сразу понял её назначение. Хотелось быстрее пойти в школу: бессилие перед науками представлялось просто безобразным, тем более в сравнении с сестрой (в 1942 году она уже ходила в 5-й класс). Один учебник многие годы «ночевал» у меня под подушкой. Поверить трудно: это была огромная книга с чертежами по начертательной геометрии. Чертежи, как и географические карты, я мог рассматривать часами. Потом папа научил меня чертить инженерные, технические чертежи и это стало вторым любимым занятием.

Нет, первым не было чтение, как можно себе представить. Просто я любил библиотеку, всё, что в ней находилось и происходило, готов был находиться здесь круглые сутки. К несчастью, библиотеки закрывались! Но пока они были открыты, никто не мешал листать журналы, энциклопедии, каталоги, перебирать книги на полках. Слушать, что спрашивают, наблюдать, как работают. На десять лет я стал постоянным читателем Центральной городской библиотеки им. А. Джапаридзе. Библиотекарь Арусяк Сергеевна была требовательной и очень внимательной. «Где, ты сказал? В Канзасе? Покажи на карте!». Пришлось однажды нарисовать по этапам приключения лягушки-путешественницы. Всё надо было дочитывать до конца, не пропуская ни одной детали...

Через пару лет, когда я пошел в школу, оказалось, что в эту библиотеку можно заходить по пути туда и обратно (я учился в «средней» смене). Обнаружился еще десяток библиотек. Все они были разные, в каждой находилось что-то интересное, но всех объединяло одно: так легко было войти, но так трудно заставить себя уйти... Оказалось, что в библиотеках гораздо удобнее «готовить уроки». Это был особый мир, и, находясь в нём, я чувствовал себя безгранично счастливым...

Придется сделать небольшое отступление и сказать: многого в детстве для меня не существовало, так как я считался сердечником, по сути — инвалидом. Так получилось: очень трудно я перенес скарлатину в 1942 году, осталось осложнение на сердце. Диагноз звучал

как приговор: порок (стеноз) митрального клапана, полное освобождение от всех нагрузок, естественно — физкультуры в школе. Было категорически запрещено бегать, подходить к велосипеду, даже плавать. Можно только ходить, спокойно и медленно. С плавания и начался мой путь к выздоровлению: поплыл, сердце готово было выпрыгнуть, задышался... — но ведь не умер! Стал читать, искать совета. Старый военный врач, полковник, однажды сказал мне: если клапан надорвать, он начнет пропускать кровь. Но таких операций не делают. Как я заставил его надорваться — отдельная история. Несколько лет «издевательств» над собой, всегда на грани. Так ведь результат налицо: в 1960—1963 годах, уже после института, я три года служил в армии, в строевых частях, по утрам — кросс на 5 километров. До сих пор кардиологи меня слушают и не понимают.

Мне было 11 или 12 лет, когда я еще раз взял в руки странную книгу, лежащую на дне шкафа. На обложке было написано: «Десятичная классификация», автор — Е.Н. Добржинский. Непонятно в ней было всё: похоже на словарь, но язык вроде бы один — русский. Зачем нужны эти цифры слева и что они могут обозначать? Внутри оказалось... всё! Весь мир! Я разобрался в цифрах слева, оказалось, что с помощью указателя можно найти любой предмет — там, где он изучается, узнать, как называются разные науки, на какие части они делятся. Уже через неделю я знал эту книгу почти наизусть. Мои товарищи в школе стали по ней выбирать себе профессию. А какую профессию могу выбрать себе я сам? Я хочу заниматься вот этим делом, кто-то ведь составляет такие книги? Кем был неизвестный мне «Е.Н. Добржинский», где он работал? Ответ был напечатан на книге: 025.45. Что это такое?

2	Библиотечное дело
025	Каталогизация
025.4	Классификация
025.45	Десятичная классификация

В библиотеке были готовы услышать от меня любой вопрос, кроме этого: «Что можно прочитать о библиотечном деле?». Посмотрев на меня с недоумением, Арусяк Сергеевна сказала: «Пойду к методистам, поищу что-нибудь популярное». Минут через десять я держал в руках только что вышедшую книжку В. Н. Денисьева «Работа массовой библиотеки».

Когда я сказал ей, что выбрал для себя профессию и буду заниматься каталогизацией и классификацией, она приняла эти слова с явным недоверием: «Во всяком случае, не в ближайшие пять лет. Надо окончить школу, потом будет видно. Вряд ли тебе это разрешат». В тот же вечер я, пятиклассник, «согласовал» с родителями вопрос о будущей профессии.

Всё, что происходило дальше, было, как говорится, «делом техники». Шли летние каникулы. За месяц был освоен библиотечный почерк, найден в Тбилиси библиотечный коллектор и куплены в нем тысяча карточек и две сотни разделителей. На «комплектование» была выделена небольшая сумма денег, поэтому я покупал брошюры «Научно-популярной библиотеки» (и такой же «...солдата и матроса»), набралось около полутора сотен. Все книги получили индексы по «Схеме библиотечной классификации...» 1955 года. Написаны карточки для алфавитного каталога (на автора, соавтора, если надо — на заглавие), для систематического каталога — в каждый отдел. Все карточки оформлены в соответствии с учебным пособием А.В. Кленова. «Каталожный ящик» был сделан из картона. А затем расставлены за разделителями. Получились два каталога, но очень маленькие.

В один прекрасный августовский день я вошел в родную библиотеку и поставил перед Арусяк Сергеевной своё «изделие». Прибежали методисты, унесли коробку к себе, впервые я побывал в кабинете директора ЦГБ. В тот день я возвращался домой на крыльях: я получил право входить в книгохранилище взрослой библиотеки! А Арусяк Сергеевна признала меня и стала пропускать «за прилавок»: не надо было теперь вставать на носочки, чтобы заглянуть в «тайны библиотеки». Тайны были все в пыли: на следующий день, вооружившись тряпкой, я вытирал её на полках под потолком. Туда никто не поднимался, кроме меня...

Что было дальше? Ничего такого особенного: я стал целенаправленно готовить себя к работе библиотекаря. Сказать, например, «изучал фонды»? Смешно. Ну, а чем же я занимался, пропадая в хранилищах, открывая и просматривая книги на разных языках? Проще рассказать о том, как я учился переплетать, печатать на машинке, отрабатывать навыки письма плакатным пером... Конечно, изучал каталоги, классификацию, библиографию — и по книгам, и в работе, помогая опытным библиотекарям. Но самое главное: приходилось

вырабатывать в себе выдержку и терпение, внимание, умение слушать и понимать читателей, быстро находить решение. Эти навыки нельзя «законспектировать и выучить». Надо, наверное, наблюдать работу хороших, настоящих библиотекарей. Мне повезло: в Тбилиси их было много.

Читать приходилось много. И прежде всего потому, что я понял: тот, кто занимается классификацией, должен знать всё. Иначе говоря, никаких ограничений, например в тематике, нет и не может быть. Нет наук любимых и не очень. Но читать бессистемно нельзя, это понятно. Поэтому те или иные цели ставились. Много времени, как я теперь понимаю, потрачено было зря. Зачем я изучал все и всякие азбуки (Морзе, телеграфных кодов, семафорную — флажками, глухонемых, какие-то еще)? Споткнулся на Брайле. Оказалось, что взрослому научиться читать эти точки почти невозможно: у пальцев потеряна нужная способность, грубой становится кожа... Сделал вот что: «вывел» указательный палец из употребления на месяц. Читать не научился, но результат меня поразил: палец стал чувствовать многое (толщину, материал, температуру). Узнал, что слепые по слуху и запаху узнают то, что скрыто от нормальных людей. Но я-то зрячий! Делаем себя незрячим на месяц (летом, на каникулах, как уж меня терпели родители, не знаю). Вот тут всё оказалось правдой: всё, что не видел — теперь «слышал» ушами и носом. Открылся огромный мир звуков и запахов... Он есть вокруг нас всегда, просто мы не утруждаем себя разобраться, нам не нужно — мы и не пользуемся. Многие навыки, однажды отработанные, остались навсегда.

Уже в старших классах наступил период углубления в профессию. Я стал посещать крупные научные библиотеки, мне было всё интересно: структура, система фондов и каталогов, организация хранения, порядок обслуживания читателей. Я не стеснялся: начинал с того, что приходил прямо к директору просить разрешения (школьников в такие библиотеки не записывали). Так я познакомился с директором университетской библиотеки Д.Н. Маркевичем, библиотековедом, ко-

торого знала Н. К. Крупская. Он ввел меня в библиотечное сообщество, познакомил со многими людьми. С 15-ти лет стал ежедневно, как на работу, ездить в Республиканскую библиотеку Грузинской ССР им. К. Маркса, где мне доверяли консультировать взрослых читателей у каталогов. Здесь, в коллективе каталогизаторов, возглавляемом М.Д. Меладзе, мне помогли приобрести знания и навыки в области каталогизации и классификации.

В Тбилиси был библиотечный факультет при педагогическом институте, кафедру которого возглавлял профессор Н.Г. Лордкипанидзе. Как-то раз я решил познакомиться с ним и приехал в пединститут. Николай Георгиевич тепло встретил меня, но попросил подождать, так как уходил читать лекцию. Я, в свою очередь, попросился в аудиторию. Николай Георгиевич сообщил мне: «У нас лекции читаются на грузинском. Вы не всё поймете», но я был настойчив.

Лекция была на выпускном курсе, объяснялись библиотечные показатели, абсолютные (число читателей, книговыдача) и средние (посещаемость, обращаемость и другие). Я писал конспект спокойно, красивым библиотечным почерком, конечно, на грузинском, располагая формулы в центре строки. После лекции с этим конспектом на руках подошел к профессору. Этот листочек произвел сильное впечатление: все преподаватели кафедры стали доказывать, что я должен через год стать студентом именно здесь. Но Николай Георгиевич увел меня в кабинет и после долгой беседы сказал: «Мой мальчик, ты должен учиться в Москве, у наших титанов. Потом можешь вернуться и у нас преподавать». В тот же вечер я послал в Москву просьбу выслать правила приема (впоследствии я посылал её ежегодно, что интересно — каждый раз получал ответ).

Рассказывать здесь о том, как встретил меня наш библиотечный институт на Левобережной, как я не был принят по конкурсу и что произошло со мной дальше? Это уже другая история, подтверждающая истину: прямых дорог в жизни не бывает.

